

16+

Михаил Лактионов

ИГРУШКА

Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся

Игорь(Михаил) Васильев(Лактионов)

Игрушка

«Автор»

2019

Васильев(Лактионов) И. В.

Игрушка / И. В. Васильев(Лактионов) — «Автор», 2019

Фантастическая повесть о том, что наш мир не более, чем чья-то игрушка. Герой из-за чужой ошибки оказывается забытым после конца света в обрывке старого мира. Ему дают возможность исправить эту ошибку. Приключения, боевик, детектив, доллары, алмазы, царские золотые червонцы, немецкий автомат и гранаты, КГБ, Ленинград 60-х, бандиты, экстрасенсы, Юрий Гагарин, диверсия на Байконуре, угон вертолета и смерть, которой не существует.

© Васильев(Лактионов) И. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

§§§	6
§§§	10
§§§	11
§§§	16
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Михаил Лактионов

ИГРУШКА

Говорю вам тайну:
не все мы умрем, но все изменимся.
(св. Ап. Павел)

§§§

На чердаке было душно и жарко. Августовское солнце, основательно раскалив за день железную крышу садового домика, превратило маленькую комнату в настоящую сауну. Я настезь распахнул окно, стянул с себя влажную футболку, сел на диван, положил на колени белую папку и открыл ее. Ни названия, ни имени автора – печатный текст начинался с самого верха первого листа...

Когда он в третий раз увидел деревянный столб с полустертой надписью “№ 45“, то окончательно понял, что сошел с ума. Другого объяснения просто не существовало. За последний час он пытался выйти из леса на железную дорогу трижды, и всякий раз оказывался там, откуда начинал – у этого проклятого столба. Заблудиться он не мог, – знал эти места, как свои пять пальцев. Он и сейчас прекрасно понимал, где находится и в какую сторону надо идти. Только проку от этого не было никакого. Лес, знакомый с детства, не хотел отпускать его.

Он сел на поваленное дерево, поставил на землю корзину с сильно помятыми грибами и скинул с плеч мокрый рюкзак. Страшно хотелось курить. Сунув руку в карман куртки, он вытащил разбухшую от воды пачку сигарет. Осторожно достал одну сигарету и критически осмотрел ее. Сигарета пропиталась водой насквозь, и выкурить ее не было никакой возможности.

"И угораздило же меня свалиться в эту вонючую канаву" – подумал он и в который уже раз пощупал здоровенную шишку на затылке. Два часа назад, переходя по скользким бревнам мелиоративную канаву, он поскользнулся, ударился головой об эти бревна и упал в воду. Сколько он находился без сознания, сказать было трудно – показалось, что какую-то долю секунды, однако промокнуть он успел основательно. Очнулся он по пояс в воде. Вокруг в коричневой жиже плавали грибы. Ему еще повезло, что упал вниз ногами. А мог бы воткнуться ничего не соображающей головой в илистое дно и поминай, как звали. Он выловил корзину и остатки грибов, кое-как выжал одежду, вылил воду из резиновых сапог и огляделся по сторонам. Что-то его уже тогда насторожило, что-то было не так.

"Странно, как резко изменилась погода!" – удивился он. Действительно, только что светило солнце, дул порывами ветер – комаров разгонял, и на небе не было ни облачка. А теперь все небо заволочло серой пеленой облаков. Невесть откуда взявшийся туман стелился над болотом, смазывая очертания дальнего леса.

Он натянул мокрые сапоги и решил, что надо двигать в сторону дома. И тогда вдруг неожиданно вышел к знакомому столбу в первый раз. Столб стоял там, где и должен был стоять – на перекрестке двух тропок. Его удивило то, как быстро он от болота дошел до столба, буквально отошел каких-нибудь триста метров от канавы с мостиком из бревен, тропинка повернула, и он увидел столб. Обычно на это требовалось не менее получаса.

"Может, задумался и не заметил, как пришел" – решил он. Но особо размышлять над этим вопросом не стал – от мокрой одежды было холодно, хотелось поскорей домой. И он пошел по тропинке вдоль канавы в сторону железной дороги...

Он отбросил испорченную водой сигарету в сторону и встал. В четвертый раз пытаться вернуться домой тем же путем не имело смысла, надо было придумать что-нибудь новенькое. Закинув за плечи влажный рюкзак, в котором болталось около трех литров брусники, он взял корзину с остатками грибов и пошел по тропке, но уже не по той, что вдоль канавы, а перпендикулярной к ней. Он знал, что если идти все время прямо, в любую сторону, то обязательно выйдешь или на железнодорожную насыпь или, на худой конец, к окружной военной бетонной дороге. Третьего было не дано – этот участок леса представлял собой широкий серп, который образовывали железная дорога и бетонка. А он точно знал, что находится внутри этого серпа,

так что все дело было в затраченном на хождение времени. Его электронные часы после купания кроме серого прямоугольничка не показывали ничего, так что о том, какой теперь час, оставалось только гадать. По его прикидкам было около трех часов дня, а может и больше, учитывая его бессознательное пребывание в канаве. Если бы хоть какой-нибудь намек на солнце! Он с надеждой посмотрел на небо. Плотная пелена равномерно серого цвета заволочла все небо до горизонта. Казалось, она спускалась до самой земли и плавно переходила в серый туман. Но больше всего поражала тишина. Такой тишины он в лесу еще не слышал. Когда до него дошло, что давно уже вокруг никто не чирикает, не пищит, не жужжит, и даже листья на осинах не колышутся, он испугался, и долго стоял не шевелясь, пытаясь уловить хоть малейший звук. И не услышал ничего. Испугавшись еще больше, он закричать во все горло:

– Эге-ге-гей!!!

Звук его голоса утонул в тумане, как в вате. Эха не было. Постояв еще немного, он побрел дальше. Настроение испортилось окончательно. Подозрение, что с головой не все в порядке, укрепились.

– Проклятая канава, проклятые бревна! Какого черта меня вообще понесло на это болото? – бормотал он, продираясь через еловые ветки. Тропинка, по которой он вначале шел, свернула в бок, а так как он решил не менять направления, то пришлось идти по бездорожью. Он шел, чертыхаясь и проклиная себя за безалаберность – собрался в лес кое-как, сигареты, например, просто сунул в карман, а надо было сначала в полиэтиленовый пакет завернуть – был бы сейчас с куревом. Слишком радостное и бесшабашное настроение было с утра. Еще бы! Первый раз за четыре года летний отпуск...

Настроение было великолепное. Первые лучи солнца едва коснулись верхушек деревьев, а Сергей Бакетов, инженер-программист, тридцати двух лет от роду, уже топал по асфальту шоссе в сторону своего любимого леса. Был первый понедельник августа и первый день его долгожданного летнего отпуска. Летние отпуска у них в институте доставались в первую очередь ветеранам, донорам и многодетным мамашам, а так как Сергей не относился ни к первой, ни ко второй, ни тем более, третьей категории, то последние три года ходил в отпуск зимой. Но в этот раз ему повезло. Обстоятельства сложились так, что один августовский отпуск льготникам не понадобился и Сергей, наконец, получил долгожданную возможность отдохнуть летом на даче с женой и сыном. Сергей шел по шоссе и его распирало от счастья. Впереди – четыре недели, заполненные грибными походами, рыбалкой, пляжем, солнцем, зеленой травой и свежим, чистым воздухом. Где-то далеко, словно на другой планете, осталась давка и духота городского транспорта, вечная нехватка времени, работа, душная комната с постоянно брызжащими сотрудницами, боящимися сквозняков и вечно требующими закрывать окна и форточки.

Сергей свернул с шоссе и, пройдя небольшой лесок, вышел к железнодорожной насыпи. Хотя по обе стороны железной дороги тянулся лес, но назвать его лесом можно было только условно. Он был до того вытоптан садоводами, что в нем не росли даже поганки. До настоящего леса по железке надо было идти около полутора километров.

Ночная прохлада прошла. Солнце стояло уже достаточно высоко, и Сергея стали одолевать слепни. Единственным спасением от них был ветер, налетавший порывами. Ветер дул очень кстати. Сергей вспомнил, как прошлым летом в безветренную погоду собирал чернику. Стоило наклониться над черничным кустом и сунуть туда руку, как из-под листьев выскакивала туча совершенно тупых, ополоумевших комаров и впивалась во все что можно и нельзя. Тупых, потому что в отличие от городских комаров, которые умели кусаться даже на лету, этих можно было медленно давить сразу по несколько штук, они ничего не боялись.

Идти по шпалам было ужасно неудобно. Сергей всякий раз задавал себе вопрос – шпалы укладывают с таким промежутком, потому что так надо или для того, чтобы было неудобно по ним ходить, в смысле, из соображений безопасности? Раньше вдоль железной дороги шла узкая

тропинка, но в прошлом году дорогу ремонтировали, насыпали нового щебня, и тропинки не стало.

Не доходя двух семафоров, Сергей спустился с насыпи, перепрыгнул через канаву и оказался, наконец, в своем долгожданном лесу. Пьянящий воздух, наполненный ароматами лесных трав и запахом хвои, ворвался в его легкие и Сергей вдруг заметил, что непроизвольно улыбается...

Отправиться к дальнему болоту Сергей решил после того, как обошел все ближайшие грибные места. Грибов попадалось мало – то ли их обобрали за выходные, то ли из-за долгого отсутствия дождей они просто не росли. А вдоль болота, где еще осталась хоть какая-то влага, можно было попробовать поискать. Да и брусника там росла крупнее...

Тишина! Тишина как в платяном шкафу. Сергей продирался через заросли ивняка, перелезал через поваленные деревья, прыгал с кочки на кочку и единственным звуком в лесу был шум, вызванный его движением. В голове его окончательно все перепуталось после того, как он набрел на муравейник, в котором не оказалось ни одного муравья. Сергей разрыл этот муравейник до самой земли и не нашел ни муравьев, ни их личинок. После этого он через каждые двадцать метров останавливался, вставал на колени и ползал между кочек в надежде увидеть хоть какого-нибудь жука, паука или червяка. Но все было напрасно. Как это дико не звучало, но единственным живым существом в этом лесу, кроме травы и деревьев, похоже, был только он.

Видимо, человеческий мозг так устроен, что пытается всегда найти логическое объяснение даже самым невероятным фактам. Объяснений пока вырисовывалось два – или от удара головой у него помутился рассудок и все это чистый бред, или случилась какая-то катастрофа, в результате которой все живое вокруг погибло, остались только растения. Правда, вторая версия совершенно не объясняла, почему он остался жив, если все погибли, а точнее исчезли, просто испарились, – он не мог найти нигде даже мертвого комара. Тем более она не могла объяснить, почему он уже много часов никак не может выйти из леса, хотя практически все время знает, где находится и куда надо идти. Сергея не оставляла мысль, что кто-то разрезал весь лес на маленькие кусочки, перемешал их как костяшки домино, а затем сложил, как попало. Эта мысль казалась ему полным бредом, поэтому он склонялся к версии номер один.

Сергей упорно продолжал идти прямо, не обращая внимания на встречающиеся по пути знакомые места. Он стойко прошел мимо двух разрушенных землянок, оставшихся после войны, хотя его так и подмывало свернуть налево. Землянки эти находились метрах в пятидесяти, не больше, от железной дороги, но он уже сам себе не верил. Было очень неприятно думать, что у него “не все дома”. Сергей где-то слышал, что настоящие сумасшедшие не знают, что они сумасшедшие и, даже наоборот, считают себя самыми нормальными на свете людьми. Эта мысль хоть как-то утешала.

"Интересно, – подумал он, – помнят ли сумасшедшие таблицу умножения?"

Сергей стал вспоминать таблицу, продираясь сквозь густые кусты. Похоже, таблицу он помнил хорошо. От этого он даже воспрянул духом, но уже через минуту понял, что занимается ерундой, потому что таким способом ничего нельзя определить. Ведь если он действительно спятил, его больной мозг может на сто процентов утверждать, что дважды два это четыре, хотя в действительности, может быть, и пять, и шесть, а ему будет казаться, что все правильно. Сергей стал размышлять, возможно ли вообще самому сумасшедшему оценить каким-либо способом степень своей ненормальности и до того погрузился в свои мысли, что не замечал ничего кругом. Поэтому, даже когда под ногами зашуршал гравий, он сделал еще несколько шагов, прежде чем понял, что стоит у железнодорожной насыпи. Сердце подпрыгнуло от радости – он наконец-то вышел! Через час-другой – дома!

Сергей шел по шпалам и, наверное, в первый раз не замечал неудобств такого хождения. Шел он быстро, ведь дома наверняка давно уже стали волноваться. Без часов, без солнца определить время было невозможно, но по всему, должен был быть уже вечер. Станным казалось то, что вокруг оставалось также светло, как и много часов назад, и Сергею это обстоятельство определенно не нравилось. Но за этот день с ним случилось столько странных вещей, что он решил не ломать голову над очередной из них. Главное, что он идет по железной дороге. Тут уже не заблудишься, дорога куда-нибудь да выведет.

Судя по маленьким столбикам, установленным вдоль железнодорожного полотна через каждую сотню метров, он отмахал уже километра четыре, но все еще по бокам дороги стоял лес. Смутное беспокойство охватило Сергея. Он остановился, наверное, первый раз с тех пор, как взобрался на насыпь, и огляделся по сторонам. По обеим сторонам – лес, спереди и сзади рельсы тонули в сером тумане, небо – в серой пелене облаков и полное безветрие. Но что-то настораживало, то ли чего-то не хватало, то ли что-то появилось лишнее. Сергей никак не мог разобраться в своих ощущениях. Он уже хотел идти дальше, как внезапно его осенило. Он оглянулся назад, затем снова посмотрел вперед. Все точно. Столбов не было! Ни справа, ни слева от насыпи, ни спереди, ни сзади не было видно ни одного столба. Теперь он вспомнил, что на протяжении всех четырех километров столбов тоже не было. Как же он сразу этого не заметил? Ведь по этой ветке ходят электрички, редко, всего два раза в сутки, но ходят же. Им нужны электрические провода, им нужны столбы. И столбы раньше точно стояли, и не только электрические. Сергей отчетливо помнил, что по левую сторону от насыпи стояли еще и телеграфные столбы. Куда они теперь все делись, было совершенно непонятно.

"Может, я вышел совершенно на другую дорогу?" – пытался успокоить себя Сергей. Но он хорошо знал, что никакой другой железной дороги поблизости нет. Ничего другого не оставалось, как идти дальше. И Сергей пошел. Видимость из-за тумана была плохая – метров на триста от силы. Сергей прошел еще около километра, когда впереди, в дымке, прямо на железнодорожном полотне ему почудилось нечто странное. Он сделал еще несколько шагов вперед в надежде, что это просто какой-нибудь оптический обман, но это не исчезло, а наоборот, стало четче. Мозг отказывался воспринимать то, что видели глаза. Еще несколько шагов и Сергей аж свистнул. Дерево! Прямо между рельс росла здоровенная осина...

§§§

– Сергей! Ты идешь или нет! Все давно остыло!

Я закрыл папку с рукописью и засунул ее под матрац. Не хотелось, чтобы она попалась жене на глаза, пока я сам во всем не разобрался.

– Сейчас спускаюсь! – крикнул я в ответ. Видимо, Лена звала меня уже не первый раз, а я так зачитался, что и не слышал.

– Ну, сколько можно тебя звать? Не могу я по десять раз разогревать, мы же не в городе. И так второй газовый баллон за этот сезон поменяли.

Жена была явно не в духе.

– Извини, исправлюсь, – я постарался пошутить.

– Садись быстрее, мы уже поели.

Мы – это жена и сын Алешка. С улицы доносилось его веселое улюлюканье, похоже, он опять гонял нашего кота.

Кислые щи оказались вкусны и наваристы. Жена куда-то вышла, и мои мысли опять устремились к истории, случившейся со мной сегодня в лесу. Истории просто фантастической. Если бы не папка с рукописью под матрасом и не “дипломат”, набитый долларами, который я спрятал за листами фанеры на чердаке, я бы мог поклясться, что все случившееся мне приснилось...

§§§

– Молодой человек, осторожнее! Бревна очень скользкие!

Я остановился и посмотрел в ту сторону, откуда слышался голос. На поваленной березе шагах в тридцати слева от меня сидел пожилой мужчина, скорее даже старик, и махал мне рукой.

– Спасибо! – крикнул я в ответ и уже занес ногу над мостиком через канаву.

– Огоньку не найдется?

Пришлось подойти к нему. Он угостил меня сигаретой, а я зажег спичку.

– Извините, я вас не очень отвлекаю? – он смотрел на меня как-то странно, то ли изучающее, то ли пытаясь вспомнить мое лицо, но очень добрым и даже каким-то восхищенным взглядом.

– Да ничего страшного, грибы не убегут – ответил я и, смутившись, отвел взгляд. Тут я заметил, что у его ног стоит большой черный кожаный “дипломат”. Обычно люди в лес ходят с корзинами или ведрами, но никак уж не с “дипломатами”. Корзины у старика явно не было. И одет он был для грибника довольно странно – разноцветная спортивная куртка, джинсы, короткие резиновые сапоги зеленого цвета, на голове – бейсбольная кепка, из-под которой торчали седые волосы. И вся одежда абсолютно новая, как будто только что с магазинной полки. Мне даже стало как-то неловко за свой гардероб. По сравнению со стариком я выглядел, как пугало – старая куртка, разорванная во многих местах, проеденная молью фетровая шляпа, резиновые сапоги с неровно обрезанными голенищами. Видимо, он заметил мое смущение, потому что сказал:

– Я не за грибами.

И, помолчав секунду, спросил:

– Вы ведь Сергей Бакетов, так?

Я опешил и невольно отодвинулся от него на шаг.

– Да, я Бакетов – ответил я автоматически. – А мы разве знакомы?

Старик молчал. А я смутился окончательно – он меня откуда-то знал, а я его не помнил.

– Нет, мы с вами раньше не встречались, – он просто читал мои мысли. – Так что можете не пытаться меня вспомнить.

– А вы откуда меня знаете? – задал я резонный вопрос.

– Времени у меня, к сожалению, очень мало, – он посмотрел на наручные часы. – Минут двадцать, я думаю, еще есть. Так что придется без долгого вступления.

Он на несколько секунд замолчал, глубоко вздохнул и сказал:

– Я тоже Сергей Бакетов.

Я удивленно посмотрел на него.

– Нет, нет, мы с вами не тезки, – он как-то виновато улыбнулся. – Просто вы и я – один и то же человек.

Видимо, на моем лице было написано все, о чем я в этот момент подумал, потому что старик рассмеялся и сказал:

– Я не сбежал из психушки и не начитался фантастических романов. И у меня нет никакого желания вас разыгрывать, я говорю правду. А вообще-то, сейчас не так уж важно, что вы обо мне думаете. Важно, чтобы вы согласились меня выслушать. Уделите мне пятнадцать минут.

Догоревшая сигарета обожгла мне пальцы. Сумасшедший старик достал из кармана пачку сигарет и предложил:

– Давайте присядем.

Негнуцимся пальцами я выудил сигарету из предложенной пачки и, оглянувшись, сел на пенек напротив старика.

– В чемодане, – старик пнул носком сапога стоящий на земле “дипломат”, – рукопись и около полутора миллионов долларов.

Поймав мой недоверчивый взгляд, он наклонился с явным намерением показать содержимое “дипломата”, но, видимо передумав, снова выпрямился и махнул рукой.

– А, потом сам посмотришь. Сейчас времени нет.

И тут же, спохватившись, предложил:

– Давай на “ты”? А то я все равно собьюсь – неудобно как-то обращаться к самому себе на вы, да еще такому молодому.

В ответ я промычал что-то нечленораздельное, что должно было выражать мое полное согласие. От необычности всего происходящего я, видимо, отупел и плохо соображал. Мельком взглянув на свою руку, я заметил, что держу между пальцев не зажженную сигарету.

Старик наклонил голову на бок и на мгновение застыл, как бы к чему-то прислушиваясь, а потом продолжил:

– Если я тогда все правильно понял, то, – он взглянул на часы, – через пятнадцать минут меня здесь уже не будет.

Он тяжело вздохнул:

– Не знаю, что со мной будет дальше, но хотелось бы верить... А не верить нет никаких оснований. Все, о чем мне тогда здесь говорили тридцать с лишнем лет назад, все сбылось.

И вдруг спросил:

– Ты знаешь, кто такой Гагарин?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что я сходу выпалил:

– Наш главный инженер, Петр Николаевич.

И тут же пожалел о сказанном, потому что вспомнил, как, поступая на работу в НИИ, давал подписку о неразглашении секретных сведений. В том числе – и фамилий начальников.

Старик невесело усмехнулся:

– Гагарин, Юрий Гагарин! Раньше каждый мальчишка знал это имя.

Тут он снова пнул “дипломат”.

– Когда я исчезну, забирай “дипломат”. Ты мой самый ближний родственник, если так можно сказать о самом себе, поэтому все это принадлежит тебе по праву. Не сомневайся, деньги эти заработаны честно. Американцы всегда ценили умные головы. А в той ситуации, в которой я оказался, с тем багажом знаний можно было заработать и намного больше. Правда, через границу их пришлось перетащить нелегально. С рукописью можешь делать что хочешь, – можешь выкинуть, не читая, можешь издать, но в ней нет ни слова лжи. Написана она в стиле художественного произведения – мне просто не захотелось излагать свою жизнь сухим языком мемуаров. Некоторые имена я изменил, некоторые факты и события домыслил, но от этого быть не стала выдумкой.

Он замолчал, по-видимому, задумался о чем-то. Я тоже молчал, крутя в пальцах его сигарету.

– Так много хотел сказать, – продолжил старик. – А теперь все из головы вылетело.

Вдруг он насторожился, привстал с бревна и замер. Потом посмотрел на меня и спросил:

– Слышишь?

При этом он показывал рукой куда-то вверх в сторону болота.

Я посмотрел в том направлении и прислушался. Ветер шелестел в кронах деревьев, где-то пару раз пискнула какая-то птица. Я непонимающе посмотрел на старика. А он, казалось, забыл о моем присутствии. Он стоял, подставив лицо ветру, дувшему с болота, и я заметил слезы в его глазах.

– Это ОН, – бормотал старик. – Все правильно, это ОН.

Тут он, наконец, вспомнил обо мне.

– Мне тогда сказали, что место значения не имеет, только время имеет значение. Но я решил замкнуть круг в той точке, откуда все это началось – на мостике через канаву. Сентиментально, конечно. Приехал сюда с делегацией американских программистов, а сегодня рано утром смотался незаметно из гостиницы. Затем – вокзал – поезд – знакомая с детства платформа. Сначала я собирался зайти на дачу под каким-нибудь предлогом – хотелось повидать Лену и сына. В последний момент передумал, – побоялся, что не выдержу. Тридцать с лишним лет, – а они сейчас такие, какими я их помню. И они не мои, а твои.

Тут он снова весь напрягся и повернулся к болоту.

– Неужели ты и сейчас ничего не слышишь? – спросил он, не поворачивая ко мне головы.

Я прислушался. И действительно услышал нечто странное. Откуда-то из-за болота, из дальнего леса доносился едва слышимый звук. Этот звук одновременно походил и на гул и на свист и на треск – ничего подобного я в лесу никогда не слышал. Звук то нарастал, то убывал, одновременно перемещаясь слева направо и справа налево.

– Сейчас появится, – сказал старик.

Что должно было появиться, спросить я не успел, так как в следующий момент раздался громкий хлопок и у дальнего края болота, на фоне леса появился, как мне сначала показалось, столб света, исходящий откуда-то сверху. Звук, до этого еле слышимый, возрос в несколько раз. Я невольно задрал голову, пытаясь увидеть источник этого света. Серебристый, переливающийся луч стрелой уходил в голубое безоблачное небо и терялся где-то высоко-высоко. Внезапно звук усилился, по лучу прошла судорога, и он быстро задвигался, раскачиваясь, как маятник. Как будто кто-то сверху качал огромный прожектор. Амплитуда колебаний луча была гигантской. В мгновение ока он пролетал через все болото, какое-то время скользил по лесу, потом замирал и тут же несся обратно. Двигаясь таким образом, он постепенно, с каждым новым качком, приближался к нам.

Я оторвал взгляд от этого небывалого зрелища и посмотрел на старика. Он казался на удивление спокоен, в то время как меня поколачивала нервная дрожь и мурашками покрылось все тело.

– Ну, пожалуй, пора прощаться, – Его голос звучал твердо и возвышенно. – Ты за мной не ходи, оставайся здесь, на всякий случай.

Он протянул мне руку. Я машинально пожал ее.

– Прощай, – сказал старик, повернулся и пошел в сторону болота, но, сделав несколько шагов, остановился, повернулся и сказал:

– Знай, – смерти не существует!

И зашагал к мостику, а я остался стоять, не в силах промолвить ни слова. Он дошел до канавы, встал на мостик и повернулся ко мне лицом. Позади него, словно нож гигантской гильотины, с треском и свистом мелькал серебряный луч, с каждой секундой все ближе подбываясь к старику. Мы стояли, не двигаясь, и смотрели друг на друга. Вот луч в очередной раз пронесся по болоту и вдруг, не дойдя до леса, остановился, завибрировал и медленно пошел назад. Похоже, что он, наконец, нашел то, что искал. Теперь, когда луч был так близко от меня и не носился со страшной скоростью перед глазами, я сумел хорошо рассмотреть его. Был он около двух метров в диаметре и лишь отдаленно походил на луч света. Скорее, он напоминал столб серебристой флюоресцирующей пыли. Я, как замороженный, наблюдал, как луч медленно, как бы крадучись, подполз к старику и коснулся его плеча. Старик, стоявший до этого совершенно неподвижно, видимо почувствовал это прикосновение, потому что поднес сложенные рупором ладони ко рту и, стараясь перекрыть треск и гул, крикнул:

– Лену и Алешку береги! Прощай!

Столб светящейся прозрачной пыли накрыл его. И тут я отчетливо увидел, что на мостике стоит вовсе не старик. Я просто не мог поверить своим глазам. Рваная куртка, темно-синяя

фетровая шляпа, обрезанные голенища сапог, темные волосы, молодые глаза... Еще какую-то секунду я видел смазанные, размытые контуры сквозь серебряную дымку и вдруг раздался громкий хлопок, как будто чихнул неисправный двигатель автомобиля, и все пропало. Мостик через канаву был пуст. Не было ни столба пыли, ни старика. Я стоял один, совершенно оглохший от наступившей вокруг тишины.

Первая мысль, пришедшая мне в голову, как только я немного очухался: "Старик упал в канаву!" Поэтому я со всех ног кинулся к мостику. Но в канаве старика не оказалось – я даже спустился к самой воде и заглянул под бревна. Нереальность всего произошедшего за последние двадцать минут настолько выбила меня из колеи, что я только сейчас заметил, что до сих пор продолжаю судорожно сжимать в кулаке сигарету старика. Я разжал пальцы, и коричневые крошки табака упали в коричневую болотную воду. Старик растаял в воздухе бесследно, ничего не осталось. И тут я вспомнил о чемодане. Я привстал на цыпочки и посмотрел в сторону полянки с поваленной березой. Около пня стоял черный "дипломат", а рядом с ним моя корзина с грибами.

"Дипломат" оказался довольно тяжелый. Я положил его на пень, присел на корточки и щелкнул двумя блестящими замками. Видимо, крышка была сделана на пружине, потому что сама стала медленно открываться. Под крышечкой, прикрывая содержимое, лежал белый лист плотной бумаги, на котором крупными буквами, по-видимому, фломастером, было написано: "МНЕ ОТ МЕНЯ".

И стояла подпись, очень похожая на мою собственную. Я приподнял бумагу. Сверху лежала белая папка, рядом с ней бумажный конверт, а под ними ровными рядами были уложены пачки стодолларовых банкнот. В правом верхнем углу, вместо одной пачки лежал небольшой кожаный мешочек. Я встал и огляделся по сторонам. Сюда редко забредали грибники, место было довольно глухое. Я взял конверт, вынул из него сложенный лист бумаги с рукописным текстом и развернул его.

"Решил написать тебе в последний момент, так как боюсь, что не успею или забуду сказать обо всем, о чем хочу. Извини, что пишу от руки, но, надеюсь, свой почерк ты поймешь. Доллары пока спрячь. Я знаю, что сейчас в стране, где ты живешь, за двадцать долларов в кармане могут отправить туда, "где доски растут". Но, поверь мне, так будет не вечно. Очень скоро, через два года или даже раньше, "Союз нерушимый", доведенный бездарным правительством до всеобщей карточной системы распределения продуктов, табака, мыла, водки, до многочасовых очередей за хлебом, до абсолютно пустых прилавков, до последней черты, развалится на составные части. Семидесятилетнему безраздельному господству коммунистов наступит конец. В Москве с пьедестала сбросят памятник "Железного Феликса" и начнется бардак – ранняя стадия капитализма – со всеми его "прелестями". Россия скатится в пропасть нищеты, безработицы и криминала. И вот тогда, чтобы выжить, тебе эти доллары понадобятся.

Я так уверенно это заявляю, потому что в моей реальности в 1996 году уже давно никто не строил коммунизм, доллары свободно продавались в любой сберкассе, а основная масса населения не могла свести концы с концами. Но те изменения, которые мне пришлось сделать в вашем мире, привели к тому, что все глобальные и наиболее значимые события у вас стали происходить с опозданием на несколько лет по сравнению с моим миром. Удивительно то, что все это совершенно не затронуло судьбы конкретных людей (во всяком случае тех, кого я знаю). Ты и я женились в один и тот же день на одной и той же девушке Лене, день в день у нас родился сын Алешка, и сегодня в первый понедельник августа 1996 года я в своей капиталистической реальности и стране, которая уже не называлась Советским Союзом, и ты, живущий в СССР под мудрым руководством КПСС, встали оба рано утром и отправились в этот лес.

Есть такая поговорка – знать бы, где упаду, – соломки бы подстелил. А я знал не только где, но и когда. Поэтому сегодня я оказался в лесу у болота и остановил тебя, не дав ступить

на мостик. Скорей всего, ничего страшного с тобой не случилось бы – шишка на затылке и мокрая одежда. Но кто его знает, ведь я тридцать шесть лет назад в этот день в первый понедельник августа 1996 года упал с мостика, и вернуться домой уже не смог никогда. Правда, на это существовали определенные причины, которых сейчас нет. Прочитав содержимое белой папки, ты поймешь, о каких причинах я говорю. То, что ты видел несколько минут назад (я надеюсь, что и в этот раз зрелище оказалось впечатляющим), подтвердит мои слова.

P.S. В кожаном мешочке – алмазы".

Подписи не было. Почерк, действительно, очень походил на мой. Я сложил письмо и сунул его в карман. Я ничего не понял. О каком капитализме в СССР он говорил? Это же бред! Почему он решил, что я обязательно свалюсь в канаву именно сегодня? Кто он, вообще, такой? Что, черт побери, все это значит? А, главное, для чего все это? Может, это какая-то проверка или эксперимент. Ходили же слухи, что КГБ ставит опыты с психотропным оружием на совершенно ничего не подозревающих людях. Может, я подвергся действию гипноза или старик всучил мне сигарету с сильным галлюциногенным наркотиком? Да, но чемодан! Я готов поклясться, что он вполне реальный.

Я взял из чемодана кожаный мешочек, развязал стягивающий его шнурок, положил на траву бумажный лист с подписью старика и вытряхнул на него содержимое мешочка. Несколько десятков сверкающих на солнце небольших стеклянных камешков рассыпались по листу...

§§§

– Сережа! Ну посмотри, что ты делаешь!

Голос жены вывел меня из состояния задумчивости, и я посмотрел, что же я делаю. Оказалось, я сижу и крошу ножом совершенно червивый подосиновик в миску с хорошими грибами. Я стал выковыривать подосиновик обратно, но Лена остановила меня:

– Не надо, Сергей, иди лучше отдыхай. Я сама дочищу, все равно от тебя толку никакого, ты уже спишь на ходу.

Спорить по этому поводу я не стал, поднялся и пошел мыть руки к умывальнику. Был теплый августовский вечер. Солнце уже село и на начинающем темнеть небе показались первые звезды. Когда я снова зашел на веранду, где мы разбирали грибы, Лена сказала:

– Ты на чердак спать иди, а я сегодня внизу у Алешки переночую. Он никак к новому месту не привыкнет. Пройшей ночью пять раз к нему спускалась.

Я подошел к Лене и поцеловал ее в щеку.

– Спокойной ночи.

Меня так и распирало похвастаться и показать жене чемодан, но я решил, что пока не прочитаю рукопись, не скажу ей ни слова. Поднявшись на чердак, я заглянул за листы фанеры. Чемодан оказался на месте. Если бы он исчез, я бы не очень удивился. Осторожно, что бы не шуметь, я вытащил чемодан из-за фанерных листов и положил его на диван. Затем, сев рядом с ним, стал одну за другой вынимать пачки долларов. Всего я насчитал сто четыре пачки – по сто стодолларовых купюр в каждой – итого один миллион сорок тысяч долларов. Американские доллары на черном рынке шли по курсу один доллар – пять рублей. Я умножил в уме, и у меня получилась просто астрономическая сумма. На эти деньги можно было купить пятьсот автомобилей “Жигули”. Вспомнилась где-то слышанная фраза: “За валютные махинации в особо крупных размерах приговорен к исключительной мере наказания – расстрелу”. Какова мера наказания за хранение бриллиантов, я не знал и, тем более, даже ориентировочно не мог определить стоимость этих сокровищ. Если верить словам старика, то этот маленький мешочек – это еще полчемодана денег. Я высыпал на ладонь из мешочка несколько прозрачных камешков, выбрал самый крупный из них, подошел к окну и провел камнем по стеклу. Насчет подлинности долларов можно было сомневаться, тем более что я их никогда раньше и в руках-то не держал, но этот камешек, по-видимому, действительно был настоящим алмазом – на оконном стекле осталась глубокая полоса. Я ссыпал алмазы обратно в мешочек, аккуратно сложил деньги в “дипломат” и на минуту задумался: “Куда его спрятать? Может, снова поставить за фанеру? Пока о долларах никто не знает, их и искать некому. Правда, Алешка у меня любит лазать на чердаке по пыльным углам”.

В конце концов, я запихал “дипломат” между полом чердака и потолком веранды. Никогда раньше я не имел дело ни с валютой, ни с бриллиантами и что делать с этим богатством, где и у кого можно превратить его в рубли, даже отдаленно не представлял. Я включил маленькую настольную лампу-ночник, разделся, вытащил из-под матраса белую папку, лег и стал читать дальше ...

Он вздрогнул и открыл глаза. По-видимому, незаметно для себя он задремал. Сквозь сон ему показалось, что он слышит какой-то шум. Но сейчас вокруг было тихо.

Сергей попытался встать и не смог. Заснул он на рельсах, прислонившись спиной к осине, полусидя на корточках, – поджатые ноги затекли и не хотели слушаться. Он их вообще не чувствовал. Пришлось действовать руками. Сергей взял свою правую ногу и попытался осторожно ее выпрямить. Казалось, тысячи маленьких иголок вонзилось в кожу – по пережатым до этого венам толчками пошла кровь. Ощущение было одновременно и болезненное и при-

ятное. Вторую ногу выпрямить он не успел. Громкий звук, похожий на выстрел, заставил его резко повернуться вправо. В первый момент в голову пришла мысль: его ищут с вертолета и освещают лес прожектором. Действительно, справа от насыпи, в нескольких десятках метров быстро двигался уходящий в небо столб света. При этом с той же стороны слышался громкий звук, похожий и на вой турбины и на треск отбойного молотка и еще черт знает на что. Сергей принял его за шум двигателя вертолета. Самого вертолета из-за тумана видно не было.

Сергей, забыв о своей левой ноге, вскочил, замахал руками, закричал и попытался побежать к вертолету, но, не сделав и двух шагов, споткнулся о рельс и скатился с насыпи. Он тут же снова вскочил и, помогая затекшей левой ногое руками, поковылял дальше, но луча света уже не было видно. Сделав несколько шагов, Сергей остановился и прислушался. Полная тишина! Как это вертолет успел так быстро улететь? Сергей огляделся по сторонам. За те несколько часов, прошедших с момента его купания, ничего не изменилось вокруг – все так же тихо, так же светло, тот же серый туман повсюду.

"Сколько же я проспал у этой осины? – подумал Сергей. – Мне показалось, что отключился всего на несколько минут, а может – уже ночь прошла? Ведь, по идее, сейчас должен быть поздний вечер. Почему же тогда так светло? И, вообще, очень странно – я столько времени таскаюсь по лесу, а мне не есть, не пить не хочется. Да что там есть – за все это время я даже не разу, как говорится, не сходил в кусты. Единственное, чего жутко хочется, так это покурить".

Кровообращение в обеих ногах восстановилось, и Сергей снова взобрался на насыпь.

"С чего это я решил, что вертолет прислали именно за мной? – подумал Сергей. – Я – обыкновенный инженер, а не министр. В лучшем случае Лена поднимет соседей, чтобы прочесать лес. А вертолетом у нас пока только оторвавшихся на льдине рыбаков спасают".

Еще до того, как заснуть, он обошел вокруг осины и увидел, что дальше идти некуда. Через несколько метров железнодорожное полотно упиралось в небольшой, поросший травой холмик, и как бы уходило под землю. Дальше стеной стоял лес. Сергей вернулся к осине и присел на корточки. Один из рельсов проходил прямо через ствол дерева. Сергею стало не по себе, когда он представил, сколько времени должно было пройти для того, чтобы выросло такое дерево. Получалось, что он пролежал в канаве не минуты, а десятилетия. Страшная тоска, безысходность и полная апатия навалились на него. Все стало безразлично. Идти, похоже, действительно было некуда, да и не к кому. Вот в таком расположении духа он и задремал, прильнув к осине.

Он совершенно забыл об этом, когда, проснувшись, услышал вертолет и увидел луч прожектора, а вот сейчас снова вспомнил. Но, видимо, отдохнувший за время сна мозг стал сообщать гораздо лучше, потому что Сергей тут же задал сам себе резонный вопрос:

"Если тут давно не ходят поезда, почему же тогда рельсы блестят, как новые – нет ни пятнышка ржавчины? Даже небольшой дождь оставляет на рельсах ржавые разводы, но первый же поезд стирает их. Получается, что дерево появилось здесь не раньше последнего дождя".

Совершенно нелепая, на первый взгляд, мысль неожиданно пришла ему в голову. Он подошел к осине, достал из кармана нож, встал на колени и принялся с ожесточением строгать ствол дерева вокруг рельса. Через некоторое время в стволе образовалось достаточное углубление, чтобы все хорошо рассмотреть. Рельс вовсе не проходил насквозь через осину – он обрывался там, где начинался ствол. При этом поверхность среза оказалась блестящей и рельефной. Приглядевшись повнимательнее, Сергей понял, что на срезе рельса четко отпечатались все неровности коры осины. Каким образом это сделано, было совершенно непонятно. Похоже, что кусок железнодорожного полотна вырвали и на его место аккуратно вставили эту осину – с корнями, землей, травой и тремя поганками. Сергею опять пришла в голову мысль о перемешанных костяшках домино. Мысль, конечно, странная и нелепая, но ничего другого, глядя на эту осину и обрубленный рельс, Сергей придумать не мог. И не мог он никак решить, что же ему теперь делать. Можно было, конечно, наплевав на все эти идиотские чудеса, пойти дальше,

по лесу, по бездорожью. Сергей предполагал, что железная дорога должна где-то вынырнуть из-под земли. Но уходить с насыпи, с открытого пространства ему не хотелось. Пусть этот вертолет искал вовсе не его, но если он прилетит вновь, то может заметить отчаянно машущего руками человека, стоящего на насыпи. Однако нет никаких гарантий, что вертолет вернется. Стоит ли тогда ждать?..

Звук возник внезапно. Сергей, сидевший на рельсе и тупо ковырявший каблуком гравий, от неожиданности вскочил, при этом едва снова не свалившись с насыпи. Звук был не громкий, но, несомненно, такой же, что и тот, который Сергей услышал, проснувшись. Ни луча прожектора, ни вертолета не было видно, но, судя по звуку, он летал где-то в нескольких сотнях метров в районе железнодорожного полотна. Похоже, вертолет действительно кого-то или что-то искал, потому что источник звука довольно быстро перемещался с права налево, уходя в сторону от дороги, а потом шел обратно. Сергей, забыв и корзину, и рюкзак, рванул по шпалам в направлении звука. Не успел он пробежать и десяти шагов, как услышал оглушительный хлопок, от которого зазвенело в ушах. Прямо перед собой, не далее чем в тридцати метрах, Сергей увидел луч прожектора, освещавшего насыпь. Рев двигателей возрос в несколько раз. Сергей собрался было уже кинуться к освещенному месту, закричать, замахать руками в надежде, что его заметят и вытащат из этого заколдованного леса, как вдруг заметил, что луч ведет себя как-то странно. По лучу прошла дрожь и он, как огромная толстая веревка, стал извиваться. Это было так неожиданно и странно, что Сергей встал, как вкопанный и почувствовал холодок между лопаток. Теперь, когда до луча было не больше двадцати метров, Сергей понял, что никакой это не луч прожектора. Это извивающееся кишка диаметром около двух метров скорее напоминала хобот смерча. Сходство с лучом света, пробивающимся сквозь туман, было в том, что состояла она, как показалось Сергею, из каких-то мелких частиц, сверкающих серебристым светом.

"С чего это я вообразил, что это вертолет? – мелькнуло у него в голове. – Все в этом лесу какое-то неправильное, нелогичное, ненормальное!"

Внезапно рев и треск усилился еще в несколько раз, столб серебряной пыли сорвался с места и с огромной скоростью унесся влево от дороги. Звук на какое-то время стих, улетев вместе со смерчем, но уже через несколько секунд стал нарастать – серебристый смерч мчался обратно. Дикий ужас охватил Сергея, он попятился, споткнулся о шпалу и завалился на спину. Столб светящейся пыли пронесся в десяти метрах от него. Пока Сергей поднимался на ноги, столб успел пролететь вправо и, судя по нарастающему вою, уже снова несся назад. Сергей в ужасе смотрел на надвигающуюся прямо на него светящуюся машину, понимая, что надо бежать, потому что в этот раз столб пройдет как раз там, где он сейчас стоит, но не мог сдвинуться с места – страх сковал его мышцы.

"Все, – подумал Сергей. – Это конец". Сил хватило лишь на то, чтобы закрыть глаза...

Приятный аромат табачного дыма щекотал ноздри. Сергей открыл глаза и тут же закрыл их.

"Похоже, – подумал Сергей, – вот теперь я окончательно свихнулся".

Он снова открыл глаза. Как он сюда попал, Сергей не помнил. Он сидел за столиком в большом зале ресторана. Перед ним в хрустальной пепельнице дымилась сигарета. Рядом с пепельницей лежала зажигалка и приоткрытая пачка дорогих сигарет.

Он огляделся по сторонам. В зале, кроме него, никого не было видно. Вокруг стояли пустые столики, окна были задрапированы красивыми коричневыми шелковыми шторами, на небольшой эстраде около ударной установки лежали три электрогитары, а чуть правее стоял клавишный синтезатор. Зал освещался мягким приглушенным светом, исходившим от нескольких хрустальных люстр.

"Господи, – пронеслось в голове у Сергея, – я, наверное, умер!"

Он прижал ладонь к груди – сердце билось, да еще как! Это обстоятельство несколько озадачило и почему-то обозлило Сергея.

"Да какого черта! – подумал он. – Умер, не умер, в Раю я или в Аду, а курить все равно хочется!"

Он схватил со стола дымящуюся сигарету и с жадностью сделал несколько затяжек. Боже, как же давно он не курил! Голова закружилась, и приятная нега растеклась по всему телу. Сергей захмелел от никотина и возможно поэтому, когда послышались шаги и на сцену из-за кулис вышел человек, не удивился. А человек спрыгнул со сцены и, обходя столики, пошел по направлению к Сергею. Спортивного вида, высокий, стройный, подтянутый, в белой рубашке с короткими рукавами и черных, идеально отутюженных брюках. Коротко стриженные светлые волосы, прямой нос, волевой подбородок, на вид – не старше тридцати пяти.

Человек подошел к столику Сергея, улыбнулся, протянул руку и представился:

– Зубов Олег Николаевич, можно просто – Олег.

Сергей встал и автоматически пожал протянутую руку:

– Бакетов Сергей Петрович.

Человек, назвавшийся Олегом, выдвинул стул и сел напротив Сергея. Глаза у человека оказались небесно-голубого цвета и, глядя в эти глаза, Сергей поймал себя на том, что, на удивление, совершенно спокоен. У него возникло странное ощущение нереальности всего происходящего. Казалось, что все вокруг совершенно его не касается, что его здесь вообще нет.

– Сергей Петрович!

Сергей тряхнул головой. Мужчина протягивал ему фужер с янтарной жидкостью. На столе стояла открытая бутылка коньяка и еще один наполненный фужер. Когда все это появилось, Сергей не заметил.

– Выпейте, Сергей Петрович, – приятный бархатный баритон доносился как бы из далека. – Вам это сейчас просто необходимо.

Сергей увидел, как его собственная рука взяла протянутый фужер, поднесла к губам, и почувствовал, как холодная и в тоже время обжигающая ароматная жидкость наполнила рот. Сергей сделал глоток. И тут как будто кто-то сдернул полупрозрачное покрывало с его головы. Сергей огляделся по сторонам – ресторан, столики, эстрада, незнакомый мужик сидит напротив и пьет коньяк из широкого фужера... Да что же это в самом деле такое?.. Какого дьявола?!.. И Сергея понесло:

– Послушайте, вы, не знаю, как вас там! – Сергей вскочил со стула и, перегнувшись через стол, задышал человеку прямо в лицо. От волнения Сергей забыл, что минуту назад они познакомились и обменялись рукопожатием. – Вы что же думаете, что вам все позволено! Сейчас не тридцать восьмой год, и я не намерен быть у вас подопытной крысой!

– Тише, тише! Не надо так волноваться, – попытался успокоить его мужчина.

– Что тише?! – Сергей раскипятился еще больше. – Кто дал вам право втягивать меня в ваши эксперименты? Я чуть не свихнулся в лесу от ваших штучек. Не знаю, как вы все это устроили, но влезать без моего ведома в мои мозги я никому не позволю. Вы еще за это ответите!

– Сергей Петрович, – человек заговорил так тихо, что Сергею невольно пришлось прислушиваться. – Прежде всего, мне поручено извиниться перед вами. Произошла досадная ошибка.

– Ах ошибка! – Сергей просто взорвался. – Какого дьявола вы меня в город притащили? Учтите, ни денег, ни ключей от городской квартиры у меня с собой нет. И в таком виде я по городу не пойду, – Сергей потряс перед носом незнакомца лапами своей рваной куртки. – И где, разрешите поинтересоваться, мой рюкзак и корзина с грибами? – Сергей сделал вид, что усиленно ищет все это под столом. – Нету! – придурковато сказал он, выглядывая из-под стола. – Ну, так что вы мне на это скажите? – уже серьезно спросил он.

– Ну, что я могу сказать, – голос сидящего напротив человека звучал печально. – Ваш рюкзак, корзина, а так же и шляпа, о которой вы упомянуть забыли, лежат там, где вы их оставили – на железнодорожном полотне в тридцати метрах отсюда. А насчет того, что мы вас в город притащили – вы заблуждаетесь. Мы не в городе.

Сергей посмотрел на мужчину с неприкрытым призрением:

– Вы что меня – за идиота принимаете? Вы думаете, я не знаю, где мы сейчас находимся? Считаете, что простой инженер никогда раньше не бывал в ресторане "Тройка" на Загородном проспекте?

– Мы не в городе, – еще печальнее повторил мужчина.

Сергей встал, быстро подошел к ближайшему окну и резко отдернул штору. За окном был лес. Лес, железная дорога, осина на рельсах.

– Этого не может быть, – пробормотал Сергей. Он медленно отошел от окна и вернулся за столик.

– Не может быть, – повторил Сергей упавшим голосом. Какое-то оцепенение напало на Сергея. Он сидел абсолютно неподвижно, тупо уставившись на недопитый фужер. Вывел его из этого состояния голос сидящего напротив человека:

– Сергей Петрович!

Сергей оторвал взгляд от фужера.

– Прошу вас, – сказал мужчина, пододвигая к Сергею фужер с коньяком.

Сергей поднял фужер и залпом осушил его.

– Что со мной? Я сошел с ума? – голос Сергея слегка дрожал.

– Ну что вы! Конечно нет! В психическом отношении вы абсолютно здоровы, – бодрым голосом уверил мужчину, вновь наполняя фужеры.

– Тогда что же, в самом деле, здесь твориться, Олег... э..? – Сергей забыл отчество собеседника.

– Олег Николаевич, – подсказал собеседник и, пригубив коньяк, поставил фужер на стол. – Я здесь для того, чтобы все объяснить и, по возможности, помочь вам.

Он потянулся с явным намерением вытащить из пачки сигарету, как вдруг передумал, задрал голову вверх и заговорил, непонятно к кому обращаясь:

– Да, да... Конечно... Я понимаю...

Говорил он с паузами, как бы отвечая собеседнику, которого Сергей не слышал:

– Конечно понимаю, в каком он состоянии... Хорошо, своими словами...

Сергей решил, что у его собеседника где-то спрятана портативная рация.

– Начальство? – спросил Сергей.

– Можно и так сказать, – согласился Олег. – А правильное будет – Прямой Информационный Канал Связи с Открытым Доступом. Я здесь не более чем посредник между вами.

Увидев удивленный взгляд Сергея, Олег добавил:

– Для простоты можете считать, что разговариваете с Богом.

– С каким Богом? – поразился Сергей.

– Что значит "С каким Богом?", – в свою очередь удивился Олег. – С БОГОМ! Именно с тем самым Богом, про которого коммунисты говорили, что его нет.

– То есть как это? – Сергей был явно ошарашен подобным сообщением.

– Н да... – Олег в задумчивости потер пальцем лоб. – Вы – убежденный атеист?

– Да не то, чтобы очень... – замялся Сергей. – Я как-то никогда об этом особо не задумывался.

И, помолчав немного, спросил, пристально глядя в голубые глаза собеседника:

– А вы не врете?

От досады Олег даже крикнул и громко хлопнул себя ладонью по колену:

– Сергей Петрович! Вы меня просто поражаете. Образованный человек, программист – и на тебе!

Олег на секунду замолчал, как бы собираясь с мыслями, а затем продолжил уже спокойным голосом:

– Вам, как математику, наверное знакома такая наука, как "Теория вероятности"? Я имею в виду комбинаторику, теорию отказов и теорию игр.

– В общем, знакома, – ответил Сергей. – В институте проходили.

– А вам никогда не доводилось слышать, что, используя математический аппарат комбинаторики, ученые пришли к выводу, что жизнь во Вселенной не могла возникнуть в результате случайного стечения обстоятельств? Конечно, все во Вселенной – и живая материя и не живая – состоит всего лишь из ста с небольшим атомов таблицы Менделеева. Но для того, чтобы эти атомы сами собой сложились так, чтобы в результате их комбинации получилась рибонуклеиновая кислота – основа ДНК, основа белковой формы жизни – необходимо определенное время и определенная масса исходных веществ. И на вопрос: "За какое время, с какой вероятностью и при каком количестве вещества сложится такая комбинация?" был получен очень интересный ответ: "Принимая в расчет максимально предполагаемый возраст Вселенной и всю массу содержащегося в ней вещества вероятность возникновения такой комбинации практически равна нулю". Проще говоря, не хватает ни вещества Вселенной, ни времени ее существования, чтобы в ней возникла жизнь. Я подчеркиваю – Вселенной, а не Земли и даже не Солнечной системы.

– Я об этом никогда раньше не слышал, – задумчиво проговорил Сергей.

– Это и не удивительно, – констатировал Олег. – Потому что идет в разрез с марксистско-ленинской теорией. Ведь вывод напрашивается сам собой, – если случайное возникновение жизни невозможно, а она все-таки появилась, значит, она была направленно создана. А отсюда до осознания наличия Высшего Разума – один шаг.

И видя, что Сергея терзают сомнения, Олег добавил:

– Да неужели вам, Сергей Петрович, мало того, что мы с вами одновременно находимся и в ресторане "Тройка", как вы недавно правильно подметил, и в лесу. Может, вы скажете, что это очередное необъяснимое явление природы?

Сергей совсем растерялся и никак не мог собраться с мыслями. Он только хлопал глазами, а сказать ничего не мог.

– Да, вижу не легко в тридцать с хвостиком узнать, что тебе всю жизнь дурили голову, – Олег вновь наполнил фужеры коньяком. – Выпейте еще, Сергей Петрович.

Он подвинул к Сергею налитый до краев фужер. После пары хороших глотков к Сергею вернулся дар речи и способность рассуждать здраво:

– Скажите, Олег Николаевич, почему же Бог решил общаться со мной через посредника? Не проще ли ему было говорить прямо со мной?

– Во-первых, не нам указывать Богу, что ему делать, – довольно жестко сказал Олег. – А во-вторых, чтобы слышать Бога, вам необходимо сделать upgrading.

– Что сделать? – не понял Сергей.

– Upgrading, как у компьютера, – и увидев, что Сергей еще не понял, Олег добавил: – По-русски – модернизация.

– А вас, что, модернизировали? – Сергей посмотрел на собеседника с недоверием.

– Модернизировали, – Олег произнес это с гордостью. – Модернизировали и перебрали на следующий уровень. Кстати, могу вас поздравить, вы тоже оказался достойным и вас модернизировали.

– Ничего не понимаю! Вы же только что говорили...

– Да вот в этом то и вся загвоздка, – Олег плюхнул себе в фужер коньяка и, глянув на недопитый бокал собеседника, вопросительно посмотрел на Сергея.

Серей отрицательно покачал головой.

– Дело в том, – Олег пригубил коньяк, – что всех перенесли, а вас, Сергей Петрович, скопировали. Случайно, конечно. Сбой у НЕГО в программе произошел. И произошел, скорее всего, потому что вы в момент переноса находились в бессознательном состоянии. В результате вас оказалось двое – одного забрали на следующий уровень, а вы остались в этом обрывке программы. В общем, вас, Сергей Петрович, забыли вовремя стереть.

– Как это – стереть? – изумился Сергей.

– Сложно, все-таки с вами разговаривать, Сергей Петрович, – Олег допил содержимое своего фужера. – Скажите, вы когда-нибудь Библию читали?

– Ну, кое-что из Библии читал, – уклончиво ответил Сергей.

– Я тоже раньше не читал, – примирительно сказал Олег. – Все мы, люди, такие – даже те, кто читал и даже изучал, главного-то и не поняли. Согласен, понять не легко, особенно учитывая то, что перевод во многом сделан не правильно. Конечно, попробуйте-ка перевести, когда весь текст оригинала состоит из одних согласных букв.

Олег замолчал, задумчиво покрутил в руках пустой фужер, и продолжил:

– Ведь Библия – это не сборник сказок, это руководство, описание, правила игры, в которую мы все играли. Игра эта называлась "Жизнь на планете Земля". Теперь эта игра закончилась и началась другая.

Олег замолчал и посмотрел вверх, а затем сказал Сергею:

– Меня тут поправили – не другая игра, а следующий этап игры, так сказать новый, более высокий уровень. И взяли в новый уровень тех, кого посчитали достойными продолжить игру. А остальных – кого в резерве оставили, а кого по новому кругу в старую игру запустили, давая им шанс стать достойными. Вообще, со всеми сорока миллиардами живших со времен Адама и Евы разобрались.

Он на несколько секунд замолчал, потом буркнул себе под нос что-то вроде: "Вы так думаете?" и обратился к Сергею:

– Он считает, что вы не совсем понимаете, о чем идет речь.

– Если честно, то не очень понимаю, – ответил Сергей.

– Такие понятия, как "Армагеддон", "Страшный Суд" вам знакомы?

Сергей невольно отпрянул от собеседника:

– Вы хотите сказать, что это и есть КОНЕЦ СВЕТА? – Сергей показал рукой в сторону окна, где сквозь щель между шторами виднелся лес.

– Можно и так сказать.

– Так мы что, на Том Свете? Мы умерли? – спросил Сергей упавшим голосом.

– Мы не умерли. Разве я похож на мертвеца? – Олег снова взялся за бутылку. – Насчет Того Света вы, в общем-то, правы, потому как от Этого Света осталось жалкое подобие, – Олег кивнул в сторону леса. – Спешу вас заверить – мы живы. И, вообще, оказалось, что никто не умер и теперь уже никогда не умрет. В обычном смысле этого слова.

Он вновь наполнил фужеры коньяком.

– Все произошло неожиданно, – Олег пригубил коньяк и поставил фужер на стол. – В понедельник, 5 августа сижу на работе за компьютером, увлекся, ничего вокруг не замечаю. И тут слышу: "Олег Николаевич! Вы только посмотрите, что за окном творится!"

Я оторвался от экрана. Все мои коллеги к окнам прильнули, взволнованно переговариваются и что-то обсуждают. Я заинтересовался, встал и подошел к окну. Ничего примечательного за окном я не увидел – вот уже семь лет изо дня в день, кроме выходных, я мог наблюдать этот пейзаж. Пейзаж красивый, спору нет. С девятого этажа открывался великолепный вид на город – Нева, сверкающая на солнце серебряными бликами, стрелка Васильевского острова, здание Биржи. Я удивленно посмотрел на возбужденных коллег, не понимая, чем вызван

подобный ажиотаж. Наша секретарша Тамара, заметив мой вопросительный взгляд, быстро схватила меня за рукав и повернула к окну:

“Вы не туда смотрите. Вон там, на горизонте!”

Я вновь посмотрел в окно. И, действительно, увидел нечто необычное. По всему горизонту, от края до края, происходило какое-то движение. Линия горизонта дрожала и вибрировала. Ничего подобного я раньше не видел.

Кто-то из сотрудников настезь распахнул соседнее окно, наверное, чтобы лучше было видно. И тогда я услышал вибрирующий звук. Что-то типа “ту-у-у”. Звук очень тихий, но, вместе с тем, величественный и мощный. Как будто где-то очень далеко одновременно трубили миллионы трубачей. Звук был завораживающе красив. Взглянув на лица своих коллег, я понял, что и они слышат этот звук.

“Смотрите, оно приближается!” – взволнованно сказал кто-то.

Я снова посмотрел в окно. От края до края, на сколько позволял обзор, горизонт кипел и пенился. С высоты девятиэтажного дома я видел, как город накрывает непонятная, переливающаяся всеми цветами радуги волна.

“Что же это такое?” – спросила Тамара.

В ответ я только пожал плечами.

“Может, на нас движется цунами?” – высказал предположение стоящий рядом с нами бухгалтер Моисеев.

“Откуда ему тут взяться, – резонно заметил кто-то из сотрудников. – Мы же не в Японии”.

“Включите радио! – послышался чей-то взволнованный голос. – Может, что-нибудь объявят”.

“Да включено оно! Молчит только почему-то”.

Дверь распахнулась и к нам в комнату ввалились соседи из другого отдела:

“С этой стороны то же самое! Как думаете, что это?”

Но никто толком ничего сказать не мог. Мы стояли у окон и зачарованно смотрели, как на город надвигается эта непонятная, невиданная доселе волна. С ее приближением усиливался и звук невидимых труб. И чем громче становился этот звук, тем радостнее делалось у меня на душе. Я впитывал этот прекрасный звук всем телом и торопил его: “Быстрее, ну пожалуйста, быстрее!”

Кто-то из женщин истерично завизжал. Я удивленно оглянулся на визг: “Кто это там вздумал так отвратительно визжать? Кто посмел испортить визгом этот прекрасный звук?”

Меня поразили лица коллег. На лицах одних я увидел радость и непередаваемый восторг, – горящие глаза, счастливые улыбки. Лица других не выражали ровным счетом ничего – застывшие восковые маски, отсутствующий взгляд. А на лица третьих было страшно смотреть – искаженный судорогой, раскрытый в немом крике рот, неопиcуемый ужас в глазах.

Я собрался что-то сказать и с удивлением обнаружил, что не могу произнести ни слова. Рот открывался страшно медленно и вместо членораздельной речи из горла послышалось какое-то низкое завывание – такой звук доносится из проигрывателя, если притормозить пальцем крутящуюся пластинку. Тут я заметил, что все вокруг происходит, как в замедленном кино. Секретарша Тамара с полуоткрытым ртом медленно поднимает правую руку с вытянутым указательным пальцем и, видимо, пытается мне что-то говорить. Бухгалтер Моисеев с искаженным страшной гримасой лицом, медленно приседает на корточки и ладонями рук пытается зажать уши. Аспирантка Ремизова со светящимся от счастья лицом и вытянутыми вперед руками медленно-медленно делает шаг к окну. Ее правая нога при этом так долго висит в воздухе, что кажется, что Ремизова специально стоит на одной ноге. Единственным более-менее быстрым движением в нашей комнате было движение электронного луча в кинескопе дисплея моего компьютера. Я отчетливо видел, как на экране, вырисовываясь строка за строкой, появляется знакомая заставка “Windows”.

На то, чтобы повернуть голову к окну, понадобилось, как мне показалось, не менее пяти минут. То, что я там увидел, было грандиозно. Яркая, переливающаяся всеми мыслимыми цветами, вибрирующая, вращающаяся, клубящаяся, полупрозрачная масса чего-то легкого, воздушного, невесомого закрывала полнеба. Она была уже близко, почти у противоположного берега Невы. И все, к чему она прикасалась, она превращала в саму себя. Я с восхищением наблюдал, как дома на другом берегу, подобно салюту, разлетаются миллионами цветных брызг. Я видел, как здание Биржи, превратившись в огромное количество разноцветных кирпичиков, летя по спирали, слилось с общей массой; как взвился серебряный фонтан, когда масса коснулась вод Невы; как поднялся в воздух, одновременно с этим растекаясь радужным пятном, большой белый теплоход.

Прекрасный зовущий звук миллиардов труб заполнил собой все вокруг. И казалось, что с каждым мгновением в этот торжественный аккорд вливаются все новые и новые звуки. Я почувствовал, что растворяюсь в этом божественном звуке.

Сергей слушал, буквально раскрыв рот. А Олег, закулив сигарету, продолжил:

– Сверкающая масса подошла вплотную к нашим окнам. Когда она коснулась стен, здание вздрогнуло и в следующий момент разлетелось во все стороны миллионами сверкающих шариков. Последнее, что я помню – ощущение полета и чувство безмерного счастья.

Олег глубоко затаился и выпустил в потолок струйку дыма.

– А дальше? – нетерпеливо спросил Сергей.

– Дальше, – задумчиво проговорил Олег, и, стряхнув пепел, повторил: – Дальше... А дальше...

Он покрутил в пальцах сигарету:

– Видите ли, Сергей Петрович... Вы, конечно, можете на меня обижаться, но как бы я не старался рассказать вам о Новом Мире, в котором я очутился, вы мало что поймете. С таким же успехом можно объяснять слепому, что такое радуга, северное сияние или звездное небо.

– Зачем же вы тогда все это мне рассказывали? – с некоторым вызовом спросил Сергей.

Олег вздохнул, на секунду задумался, а затем спросил:

– Скажите, Сергей Петрович, у вас есть мечта? Самая заветная мечта? Есть у вас такие вопросы, на которые вы мучительно ищете ответы и готовы отдать все на свете, чтобы узнать правду? Говорили вы когда-нибудь сами себе с сожалением: "Вот если бы я тогда... Все могло бы теперь быть по-другому"?

– Ну, не знаю, сразу как-то и не сообразить, – Сергей не ожидал подобного вопроса.

– Я спрашиваю об этом не для того, чтобы услышать ответ, – серьезно сказал Олег. – Ответ известен. У каждого есть и мечты, и вопросы, и прошлое, которое уже не исправишь. Но у каждого свои мечты, свои вопросы и свой груз прошлого.

Олег облокотился на стол, и, подняв свой фужер на уровень глаз, стал разглядывать янтарную жидкость, подрагивающую за тонким стеклом. Пауза явно затянулась, и Сергей уже собрался что-нибудь сказать, чтобы обратить на себя внимание, но в этот момент Олег заговорил:

Новый Мир прекрасен. Там сбываются все мечты, там находятся ответы на все вопросы. А главное, там нет места сожалению о прошлом. Новый Мир – полная четырехмерная модель. В отличие от старого трехмерного мира, здесь всегда можно вернуться назад не только в пространстве, но и во времени. Время в четырехмерном мире такая же подвластная человеку величина, как и остальные три измерения – длина, ширина и высота. По всем четверым можно двигаться в любом направлении.

Но у каждого из нас свой Новый Мир. Со своими мечтами и своими ответами. И уже поэтому, мне совершенно бесполезно рассказывать вам, Сергей Петрович, что со мной произошло дальше. Тот Новый Мир, в котором вы, в конце концов, окажетесь, будет совершенно не похож на мой. Новый Мир каждого человека индивидуален.

Олег оторвал взгляд от коньяка в фужере, посмотрел на Сергея, и спросил:

– Ведь вы меня вначале за сотрудника органов безопасности приняли, да?

Вместо ответа Сергей утвердительно качнул головой.

– А встретили бы раньше, никогда бы так не подумали. Я на Земле щуплым был и роста маленького. Переживал из-за этого, завидовал высоким и статным парням. Из-за этих комплексов со мной все беды и приключались. Все пытался доказать, себе в первую очередь, как я сейчас понимаю, что не слабак.

Взглянув на Сергея, Олег улыбнулся:

– Вы, Сергей Петрович, только не подумайте, что мы там, как хризантемы в ботаническом саду живем. Если вы ищите покоя, то в Новом Мире вы его не найдете. Жизнь есть жизнь. Со своими проблемами и переживаниями. Но проблемы эти уже другого уровня. Во всяком случае, материальных проблем, как на Земле, там просто нет и быть не может.

Олег вздохнул и продолжил:

– К сожалению, на новый уровень попали далеко не все. Их ждут. И ждут не напрасно, потому что у каждого есть шанс быть, в конце концов, признанным достойным и, перейдя в следующий этап, присоединиться к тем, кто его любит. Только некоторым, чтобы это сделать, и даже понять, что же для этого надо сделать, не хватит и нескольких земных жизней.

Олег подвинул поближе к себе пепельницу и спросил:

– Вы притчу о блудном сыне помните?

– В общих чертах.

– А мораль этой притчи вам вполне ясна?

Сергей на секунду задумался:

– Что касается морали – так мне никогда поведение отца этих двух братьев было непонятно. Хорошего сына много лет просто не замечал, а появился его паскудный брат – отец закатил пир на весь мир.

– Я так и знал! – Олег хлопнул себя ладонью по колену. – Большинству людей это непонятно. В притче, конечно, все иносказательно. То, что отец – это Бог, а сыновья – это мы, его дети – обычно никому объяснять не требуется. А вот почему отец с таким безразличием относится к сыну-трудяге, и так обрадовался появлению второго сына, погрязшего во всех пороках, мало кто понимает. А ведь все просто. Быть хорошим человеком – это еще не заслуга, а если и заслуга, то не твоя. Таким хорошим тебя Бог создал! Просто быть хорошим и даже очень хорошим – этого мало. СТАТЬ ЛУЧШЕ – вот одна из основных задач, стоящих перед человеком! Важна динамика развития души, а не ее статическое состояние, хотя бы и на очень высоком уровне.

Олег замолчал, внимательно посмотрел на Сергея, а потом продолжил:

– Некоторые воспринимают эту притчу весьма своеобразно – " Не согрешишь – не покаешься". Придумали ее люди в оправдание своих дурных поступков. Для того, чтобы стать хорошим вовсе не надо сначала становиться плохим. А в притче блудный сын выставлен таким негодяем лишь для того, чтобы люди поняли – нельзя отчаиваться. В какие бы ты не попал передраги, нельзя думать, что ты – конченный человек. Будь ты даже самым отпетым мерзавцем, все равно у тебя есть шанс вернуться.

Олег замолчал, покрутил одним пальцем пепельницу и спросил:

– Ну как, понятно я объясняю?

– Понятно-то оно понятно, – Сергей потер кончик носа, – вот только пока не понятно, как мне-то вернуться?

– Вот как раз для этого меня сюда и командировали, – сказал Олег. – Перед тем, как стереть этот обрывок старого мира лес решили проверить на наличие нужных спрайтов. Сканер искал подходящие растения, чтобы в дальнейшем использовать их при создании других миров, и наткнулся на вас.

– Сканером вы называете ту штуковину, которая ... э.., – Сергей, не найдя подходящего слова, выразительно показал рукой движение серебряного луча.

– Да, именно эту штуковину я и называю сканером.

Сергей задумался, нахмурил брови и спросил:

– Послушайте, Олег Николаевич, почему вы об этих вещах говорите компьютерными терминами – сканер, программа, спрайт?

– Потому, что даже очень сложные вещи и явления можно объяснить на примере простых и понятных моделей. И еще потому, что я разговариваю с программистом, – серьезно ответил Олег. – Если бы передо мной сидел водопроводчик, я бы пытался объясняться с помощью терминов из раздела "Гидродинамика".

Сергею сравнение с водопроводчиком не понравилось, но он решил промолчать.

А Олег вытащил из пачки очередную сигарету и щелкнул зажигалкой:

– Пересказывать легенду о Сотворении Мира из Ветхого Завета я вам не стану – надеюсь, вы ее знаете.

Сергей неопределенно пожал плечами.

– Ну так вот, – Олег отодвинулся от стола и закинул ногу на ногу, – представьте, Бог – это Программист, а Вселенная – компьютерная игра, которую Он создал. Не поймите меня буквально – это просто компьютерная аналогия нашего мира, упрощенная модель, так сказать. Помните, в Библии сказано: "...В начале было слово...". Слово! То есть программа. Все эти звезды, планеты, галактики, черные дыры, звездные скопления, бескрайние просторы космоса, Земля и все, что на ней есть – все это гигантская трехмерная компьютерная игра. На поддержание всей этой программы тратится огромное количество энергии. Этот вид энергии ученые и за энергию-то не считают, полагая, что это свойство физических тел. Говорю я о притяжении или, по научному, гравитации.

– Кстати, об ученых, – Олег потянулся к столу и стряхнул пепел с сигареты, – Все законы природы, постулаты физики, формулы химии, всевозможные константы – это не более чем переменные программы, которые Программист может легко изменить. Если бы я заявил ученым мужьям, что скорость света может быть равна скорости легкового автомобиля, вода, при желании, замерзнет при температуре сто градусов по Цельсию, а железо будет гореть на воздухе, как сухие березовые дрова, меня бы подняли на смех.

Не спрашивайте меня, где находится этот Компьютер, а тем более, сам Программист. Человеку это так же невозможно понять, как невозможно понять маленькому человечку на экране монитора компьютера, что собой представляют и где находятся монитор, системный блок, а тем более человек за клавиатурой. Спрайту никогда не удастся прыгнуть с экрана к вам на стол.

Да, люди созданы "по образу и подобию" Бога. И подражая Богу, мы создаем свои компьютерные вселенные, свои игры и своих человечков "по образу и подобию". Но человеку, в отличие от компьютерного человечка, дана свобода воли. Спрайт бежит, прыгает, стреляет, если нажата соответствующая кнопка клавиатуры. Человеком, в основном, не управляют, давая ему возможность действовать самостоятельно. Человек сам выбирает, с кем он – или с Богом в сердце, или с Дьяволом в душе.

Вы можете спросить, для чего нужен Дьявол, для чего все эти несчастья, стихийные бедствия, где справедливость, почему в первую очередь уходят лучшие, а негодяи живут до глубокой старости? Отвечу вам по порядку. Вы можете представить компьютерную игру, где все действующие лица – сплошь положительные герои, нет ни врагов, ни препятствий, не с кем и не с чем бороться? Интересно будет играть в такую игру, где, не успев начать, сразу можно праздновать победу? Думаю, что нет. Вот и Богу не интересно. Зло необходимо для того, чтобы можно было понять, что такое добро. А, борясь со злом, преодолевая препятствия человек совершенствует свою душу. Это и есть основная задача. А касательно того, почему негодяи и

ублюдки долго живут – так земная жизнь – это и есть тот самый пресловутый Ад, которым всех пугают. Именно на Земле человек должен отработать свои грехи. Поэтому лучшим, выполнившим свое предназначение, свою программу не дают долго мучаться на Земле. Ну, а всякой сволочи Бог дает пожить – терпелив Он и надеется, что человек когда-нибудь одумается.

Олег откинулся на спинку стула и замолчал.

Сергей сидел абсолютно неподвижно и не проронил ни слова. Он никогда раньше особо не задумывался над вопросами мироздания, устройства Вселенной, месте человека в этом мире. Он был полным профаном в вопросах религии. Все его знания в этой области были почерпнуты из пары атеистических брошюр, которые он прочитал от нечего делать в купе поезда Ленинград – Москва. Брошюры кто-то забыл на верхней полке.

Его познания о строении Вселенной и теории эволюции Дарвина ограничивались объемом средней школы. Он никогда не любил зоологию и астрономию, а философию, которую ему в институте пришлось пересдавать дважды, просто терпеть не мог. К сообщениям о летающих тарелках, полтергейстах и экстрасенсах он относился с иронией. И вот теперь его мозг пытался переварить и понять весь этот философско-религиозно-компьютерный коктейль.

Вывел его из прострации голос Олега:

– Ну как, моя компьютерная аналогия понятна?

– Если бы я услышал нечто подобное день назад, – тихо отозвался Сергей, – однозначно бы решил, что передо мной сумасшедший.

– Поймите, Сергей Петрович, – мягко сказал Олег, – то, что вы не можете создать Вселенную вовсе не означает, что ее никто не может создать. Согласитесь, граница между явлениями природы и творениями человека очень условная. Вчера человек не мог чего-то сделать, а сегодня может. Если бы пещерный человек увидел старт космического корабля, он наверняка бы решил, что это очередное явление природы, такое же, как гром или землетрясение.

У Сергея давно вертелся на языке вопрос, довольно дурацкий, но он почему-то не давал ему покоя:

– Послушайте, Олег Николаевич, а почему мне ни есть, ни пить не хочется, хотя я болтался по лесу с раннего утра?

Олег ответил вопросом на вопрос:

– Вы себя пьяным сейчас чувствуете?

Сергей прислушался к своим ощущениям:

– Вроде бы нет. По-моему, я трезв, как стеклышко.

– Аналогично, – сказал Олег. – В этом месте можно быть пьяным не более пяти минут. Здесь всё очень быстро возвращается в первоначальное состояние. Вон, в пепельницу посмотрите.

В пепельнице лежало несколько абсолютно целых сигарет.

– Ну и чудеса! – удивился Сергей.

– Это не чудеса, – отозвался Олег.

Он кивком головы показал на коньячную бутылку и постучал по ней ногтем, привлекая внимание Сергея. Бутылка оказалась полной.

– Просто мы находимся в статичном замкнутом пространстве, где ничего не происходит, – объяснил Олег. – Так уже было однажды. Обитатели Эдема не знали желаний, ни в чем не нуждались и ни к чему не стремились. Они являлись лишь заготовками для будущей игры. Волки не резали овец, кошка не гонялась за мышью, червяк не точил яблоко – полная идиллия. Последним творением Бога стала Женщина. Первая женщина Земли, мать всех людей, великолепная Ева откусила яблоко и программа заработала. Это яблоко являлось ключом к запуску Программы. Вот все и завертелось. А теперь снова не вертится. Если бы в момент падения вы страдали от жажды, то пить бы вам хотелось постоянно. Кстати, можете сходить к осине и убедиться, что на ней нет и следа от вашего ножа. Программа не работает.

Олег встал и помассировал пальцами шею:

– Все это я говорил, чтобы вы поняли то, что я скажу дальше. Вас необходимо перенести на следующий уровень. Но сейчас это сделать невозможно, потому что вы там уже есть в данный момент времени. Перемещение вас на следующий уровень возможно лишь в первый понедельник августа 1996 года. Поэтому принято решение вернуть вас в то место игры, когда она еще не была заражена. И вы должны постараться предотвратить заражение. Если этого не сделать – будете снова и снова падать в канаву.

Заражение произошло 12 апреля 1961 года. Догадываетесь, почему? Именно тогда человек впервые оказался за пределами защитного слоя атмосферы, в космосе. И в это же время в районе Земли находилась программа-вирус, реагирующая на наличие живых существ. Защитная оболочка атмосферы не пробиваема для вирусов и, соверши Гагарин свой исторический полет несколькими месяцами раньше или позже, мы бы сейчас с вами здесь не сидели. Первый космонавт Земли оказался заражен и протащил вирус через атмосферный барьер. Таким образом, вирус внедрился в программу и активизировался. С каждым годом его энтропийное воздействие усиливалось. Внешне это выглядело, как увеличение количества всяческих катаклизмов – землетрясения, наводнения, революции, войны, аварии и т.д. Деятельность вируса возрастала в геометрической прогрессии и в августе 1996 года он сработал окончательно, полностью уничтожив Вселенную. Но перед этим всех из программы вытащили. А вот с вами произошла накладка.

Пока вы лежали без сознания в канаве, все и случилось – всех перенесли в безопасную область и в следующее мгновение вирус разрушил Вселенную. Пролежали вы без сознания около получаса. Через двенадцать минут после вашего падения всё и произошло. Всё оказалось разорвано на куски.

Олег развел руками:

– Вот на одном из таких кусков мы с вами сейчас и находимся. Выхода отсюда нет, – этот лес замкнут сам на себя, некоторые его участки вырваны и заменены другими, некоторые – многократно продублированы. Можно как угодно долго ходить по этому лесу, но выйти из леса – нельзя. А ресторан – это временно. Так сказать, для удобства общения.

– А что же Бог, не мог заранее этот вирус нейтрализовать? – спросил Сергей.

– Это я образно говорю – вирус, – ответил Олег. – В принципе, эта подпрограмма, необходимая для завершения первого этапа, проще говоря, для организации " Конца Света". Она перемещается во Вселенной самым случайным образом для того, чтобы никто не знал, когда же случится Армагеддон. Ведь и люди, создавая какую-нибудь компьютерную игру, обычно заранее не оговаривают сроков ее окончания. В хорошей игре должен быть заложен элемент случайности. Оговариваются некоторые другие вещи. Согласитесь, что устраивать "Конец Света" во времена пещерного человека, когда все еще только начиналось, было бы не интересно. Поэтому, ввели ограничение – вирус мог начать действовать, лишь встретив на своем пути достаточно развитую в техническом отношении цивилизацию.

Понятно, – сказал Сергей. – Только как же мне этот вирус уничтожить?

Уничтожить? – Олег был явно озадачен. – Вы меня не совсем правильно поняли. Но это моя вина – плохо объясняю, – и, выдержав паузу, продолжил: – Если вернуться от компьютерной терминологии к библейской, то момент заражения – это ничто иное, как пришествие на Землю Антихриста. Вирус-программа – это и есть сам Антихрист.

Так вы что, предлагаете мне бороться с самим Прародителем Зла? – Сергей даже привстал со стула от удивления. – Вы хотите, чтобы я уничтожил Дьявола?

Нет, конечно! Уничтожить его вам не под силу, – ответил Олег. – Да и никому из смертных не под силу. Потому, что Антихрист – это не какое-нибудь конкретное существо, не отдельная личность. Антихрист многолик, хитер и изворотлив. Он действительно напоминает вирус. И действует, как вирус. Только в отличие от вируса гриппа, он заражает не тела, а души. Он

отлично знает все человеческие слабости и пороки. Деньги, власть!.. Человек слаб. Ему надо все сразу и прямо сейчас. И чем больше у человека есть, тем больше ему хочется еще. Как наркотики – наркоману, и водки – пьянице. Дьявол же действует хитро и незаметно. Он закрадывается в человеческую душу в виде зависти. И начинает эта зависть нашептывать человеку: "Смотри, у твоего соседа есть, а у тебя нет. Нет, потому что ты не умеешь жить. Плюнь ты на призрачные сказки о Рае, о загробной жизни, о какой-то нематериальной бессмертной душе. Может, никакой души и вовсе нет! Кто ее видел? Живем один раз! Рви зубами, как твой сосед, и все у тебя будет!" И человек впускает в свою душу Дьявола, человек начинает рвать зубами и тратит все свои силы и все свое время на то, чтобы урвать побольше. И тогда в душу человека вползает подруга зависти – жадность. И человек уподобляется волку в овчарне, который, пьянея от крови, режет и режет овец и никак не может остановиться, хотя умом понимает, что не нужно ему столько мяса – в овчарне все не съесть, да и в лес с собой не унести. И жадность иссушает душу человека. Человек сам себе становится не рад. И никак не может взять в толк человек – вроде все есть, всего добился, всех растолкал локтями и забрался на самый верх, а жизни нет! Тошно! А почему тошно – непонятно.

Олег на секунду замолчал, а затем продолжил:

– А тошно потому, что за все надо платить. Наркоман и пьяница расплачиваются за свои пристрастия здоровьем, а человек, впустивший в сердце Дьявола – душою.

Только очень сильный человек может противостоять дьявольским соблазнам. Сильный верой в Господа. Господь послал сына своего Иисуса на Землю, чтобы он искупил грехи людские. А, говоря компьютерной терминологией – очистил души людей от вируса, вылечил их от дьявольской заразы. И Иисус исполнил волю своего Небесного Отца. На Земле воцарилось Царствие Христово, где не было места Дьяволу. Да, люди грешили. Да, была и зависть, и жадность и много других пороков. Но до тех пор, пока Антихрист в апреле 1961 года вновь не проник на Землю, ни какие грехи людские не могли привести к глобальной катастрофе – Апокалипсису.

А почему? – неожиданно для самого себя спросил Сергей.

Потому что программа-вирус не вступила в действие. Потому что до 1961 года некому было собирать и подсчитывать грешные души, – серьезно ответил Олег. – Потому что до "Страшного Суда" все, кто умер – мертвы. Их души, как временно не используемые компьютерные программы, хранятся в Небесном Компьютере в упакованном виде. И до тех пор, пока их не оживят, до "Страшного Суда", до разбора Игры, невозможно определить, насколько та или иная душа грешна или безгрешна, и кто же, в конце концов, выиграл Первый Этап, продолжавшийся две тысячи земных лет – Бог или Дьявол.

Последнюю фразу Олег произнес очень тихо. Сергей ждал продолжения, но Олег подпер кулаком щеку и молча уставился в стол немигающим взглядом.

Ну и ну, – Сергей потер пальцами виски. – Так что же мне делать?

Ах да, – Олег вспомнил наконец, о своем собеседнике. – Уничтожить вирус вам, конечно, не удастся. А вот не допустить, чтобы ни одна живая душа в течение трех, а лучше четырех месяцев, считая от апреля 1961 года, не покидала бы земную атмосферу, я думаю, вполне возможно.

Правда, есть тут одна загвоздка. За три месяца до полета Гагарина, в январе 1961 года американцы запустят в космос корабль с шимпанзе на борту. Вероятность того, что вирус в этот раз засечет обезьяну вместо Гагарина, чрезвычайно мала. Слишком далеко он в это время будет находиться от Земли. Но, хотя такой вариант в принципе возможен, придется им пренебречь. Вы просто физически не сможете предотвратить сразу два этих полета. Слишком они близки по времени и далеки по расстоянию. Но если мы ошиблись, и вирус все-таки засечет в январе обезьяну – вам придется начинать все с начала.

– Ничего себе, простенькое задание! – Сергей хмыкнул. – Отменить полет Гагарина! Устроить катастрофу на старте или сделать так, чтобы он не вернулся. Замечательно! Да меня и за сто километров не подпустят к космодрому.

Олег последнюю фразу Сергея пропустил мимо ушей:

– Катастрофу на старте – это можно. А вот аварию в космосе – нельзя. Дьявол находится в режиме поиска. За три месяца он уйдет на такое расстояние, что не сможет засечь человека на орбите Земли. А если в апреле запуск состоится, даже неудачный, даже если космонавт не вернется на Землю – только кто-то появится на орбите планеты – Дьявол поймет, что эта маленькая планета на краю одной из бесчисленных галактик и есть центральное ядро всей программы. Он затаится и будет ждать. И дождется более удачливого космонавта.

– А попроще что-нибудь нельзя придумать? – спросил Сергей. – Например, сразу перебросить меня отсюда в август 1996 года, а потом на следующий уровень?

– Нет, – Олег встал и задвинул стул под стол, давая тем самым понять, что разговор окончен. – Необходимо устранить причину, из-за которой вы оказались продублированным. Принципиально, вас можно перенести в любое время и любое место Вселенной, когда-либо и где-либо существовавшее. Но перенос в 1996 год вам ничего не даст – потому что пока существует лишь одна реальность – зараженный вирусом 1996 год, в августе которого происходит программный сбой. Другого 1996 года пока не существует. Вам придется пройти весь путь заново. Тогда появится альтернативная реальность, другой 1996 год. Вот из этой новой реальности вас и заберут на следующий уровень. Конечно, при условии, что вам удастся предотвратить заражение. Если вы этого не сможете, то через тридцать шесть лет встретимся снова здесь.

– А почему здесь, – спросил Сергей, – ведь я через тридцать шесть лет могу в лес и не пойти?

– Где вы будете через тридцать шесть лет, значения не имеет, – ответил Олег – все равно очнетесь в знакомой канаве, если не сумеете сделать того, о чем я сказал. Только время имеет значение. Если вам все удастся – в какой бы точке планеты вы не находились в первый понедельник августа 1996 года – сканер телепортирует вас на следующий уровень. Есть еще вопросы?

Сергей глубоко задумался, пытаясь осмыслить все услышанное. Олег терпеливо ждал. Наконец Сергей заговорил:

– Если я правильно вас понял, 5 августа 1996 года меня куда-то перенесут с Земли, при условии, что я сорву полет Гагарина. Но вот вопрос: куда денусь я другой, молодой, я, который родится через три года после полета Гагарина и которому в 1996 году исполнится тридцать два года?

– Тот другой никуда не денется, – ответил Олег. – 5 августа 1996 года он пойдет с утра за грибами, поскользнется на мостике, и, падая, сильно поранит голову. Он пролежит в канаве без сознания четырнадцать часов, пока его не найдет жена, которая вместе с соседями по даче пойдет искать пропавшего мужа.

– И вы так спокойно об этом говорите, – с упреком сказал Сергей.

– Я думаю, что вы, зная теперь, что должно произойти в начале августа, этого не допустите, – с улыбкой ответил Олег. – В первый понедельник августа Конец Света наступит исключительно для вас. Всем остальным жителям Земли, включая и вас второго – молодого – придется еще некоторое время подождать – сорвав полет, вы отодвинете срок наступления Апокалипсиса для данной реальности на неопределенное время.

Олег протянул руку:

– Ну, все. Если вопросов больше нет, моя командировка окончена. Давайте прощаться.

Сергей встал и пожал протянутую руку.

– Удачи! – Олег повернулся и зашагал к сцене. Потом оглянулся и сказал:

– Если будет очень туго, попросите ЕГО. ОН обязательно поможет. Но не беспокойте Бога по пустякам. Помните, – прежде всего вы должны рассчитывать на самого себя.

И после паузы добавил:

– Сигареты не забудьте.

Сергей протянул руку за сигаретами, но взять их не успел. Стол, на котором они лежали, исчез. Исчез и ресторан. Сергей снова стоял на железнодорожной насыпи. Порыв свежего, прохладного ветра растрепал его волосы. Сергей поднял голову – голубое безоблачное небо, яркое солнце. Где-то в лесу куковала кукушка. В десятке метров от места, где он стоял, валялась фетровая шляпа, а рядом с ней стояла корзина с грибами. Там, где раньше росла осина, лежал его рюкзак.

"Господи, – мелькнула мысль, – уж не померещилось ли мне все это?"

Сергей посмотрел себе под ноги. На шпалах лежали зажигалка и пачка сигарет. Шпалы были деревянные...

Чистота! Да, именно такое ощущение – чистота!

Голубое небо поражало глубиной и насыщенностью цвета. Воздух – свеж, прозрачен и вкусен, как родниковая вода. Лес, трава, цветы иван-чая вдоль насыпи казались картиной суперреалистического художника – реальной реальной.

"Неужели за те несколько часов, что я бродил в тумане, – подумал Сергей, – я успел забыть, как красив мир? Да нет, не может быть! В 1996 году не было такого неба, такого воздуха, таких сочных красок. Наверное, мир, приближаясь к своему концу, тускнел день ото дня, а мы ничего не замечали. Слишком плавно происходило это увядание".

Вспомнилось Сергею, что подобные ощущения он испытал, сменив свой старенький отечественный телевизор с подсевшей трубкой на новый, производства Кореи. Пока сравнивать было не с чем, и старый, вроде бы, нормально показывал. А вот когда появился новый, стало ясно, насколько блеклой и размытой была картинка на экране старого телевизора.

"Может, я зря подтрунивал над своей девяностолетней бабушкой? На всяком семейном торжестве она непременно говорила одну и ту же фразу:

– Вот раньше апельсины были вкусные, а теперь стали какими-то пресными.

А я каждый раз задавал ей каверзный вопрос:

– Может, бабушка, они раньше и более оранжевыми были?

На что она, не улавливая иронии моих слов и внимательно посмотрев через очки на вазу с фруктами, серьезно отвечала:

– Они теперь тусклые какие-то.

Никто серьезно ее слов не воспринимал – в девяносто лет и зрение уже не то и обоняние притупляется. А, ведь возможно, только она одна и помнила, каким должен быть настоящий апельсин. Известно же, что часто старики лучше помнят о том, что было полвека назад, чем о событиях, произошедших с ними в течение последнего получаса".

Сергей с наслаждением вдохнул полной грудью свежий, чистый воздух.

"Что же дальше? – подумал он. – Конечно, из леса надо выходить. Ну, а потом куда? Денег нет, документов нет, своего дома тоже нет".

Тут Сергей хлопнул себя ладонью по лбу:

"Я же не знаю, в какой год меня отправили! Вот дубина! Нужно же было спросить! Ясно, что 12 апреля 1961 года еще не наступило. Значит так – сейчас лето, слава Богу, а не зима. Судя по гроздьям рябины – начало августа и где-то около шести часов вечера. Все это замечательно, конечно, но который теперь год? Олег не сказал, сколько времени дается мне на подготовку. Он, правда, говорил насчет встречи через тридцать шесть лет. А вдруг сейчас какой-нибудь 1937?"

Сергей опасливо посмотрел в обе стороны дороги – нигде не было видно ни души.

"Торчу здесь на видном месте. Лучше к лесу спуститься и там хорошо все обдумать" – решил он.

Он подобрал шляпу, взял корзину и рюкзак и спустился с насыпи. Лес встретил его прохладой и приятным шелестом листвы. Стоя в тени кроны большой березы, Сергей критически осмотрел себя с головы до ног.

В первую очередь, он снял с руки электронные часы, которые, похоже, окончательно сломались, разрыл носком сапога землю у корней дерева, положил часы в образовавшуюся ямку и придавил их каблуком.

"Как диверсант, – усмехнулся про себя Сергей, – только не из другой страны, а из другого времени".

Сапогами Сергей остался доволен – они были старые, отцовские и, по мнению Сергея, вполне подходили для любого времени. Джинсы тоже вполне можно было выдать за рабочие штаны – достаточно было только оторвать кожаную мульку с крамольной надписью "Lee". Насчет шляпы существовали некоторые сомнения – лучше бы это была кепка. А вот куртка никуда не годилась. Хотя была она старая, замызганная и рваная, но сделана из капрона. Но расстаться с курткой Сергею не хотелось. Тем более что под ней была цветастая клетчатая рубашка. Когда в стране стали носить цветные рубашки? Рубашки в клетку раньше называли "ковбойками", но в каком году они у нас появились, Сергей не знал. В конце концов, он решил оставить и куртку и рубашку – не голым же, в самом деле, идти. Хуже обстояли дела с сигаретами и зажигалкой. Остаться без курева Сергею не хотелось – итак целый день промучился. Он, конечно, хорошо понимал, что подобных сигарет у обычного советского человека, на которого он старался походить, быть не может, а газовые зажигалки появятся только где-то в районе семидесятых годов, но боязнь снова остаться без табака взяла верх.

Сначала Сергей хотел бросить и рюкзак и корзину – к чему теперь ягоды и грибы – только лишнюю тяжесть таскать, да руки понапрасну занимать. Но вовремя сообразил, что человек с пустыми руками в лесу будет выглядеть довольно подозрительно, а так – грибник и никаких вопросов. Рюкзак вполне соответствовал – брезентовый, когда-то защитного цвета, а теперь весь выцветший, он подходил, как нельзя лучше. Ну, а корзина – она и в прошлом веке корзина. Правда, грибы превратились в кашу. Сергей огляделся по сторонам, и у него невольно вырвалось:

– Елки-палки!..

Вокруг оказалось полно грибов! Сергей так увлекся своим гардеробом, что не удосужился даже посмотреть под ноги. В корнях березы, у которой он стоял, пристроилась семейка крепышей-черноголовок, около ближайшей осины стояли четыре красавца-подосиновика, а чуть левее, на небольшой полянке, пестрел ковер из лисичек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.